

Ольга Артушкина
Кандидат наук, доцент
Университет Экс-Марсель
г. Экс-ан-Прованс (Франция)

**ОБРАЗЫ УКРАИНЦЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Образ чужой культуры и их носителей зачастую представлен в художественной литературе через физический и языковой портрет

этноса. Образ «не своего» всегда связан с некой экзотикой, которая может как соблазнять, так и вызывать полное отторжение и ненависть, а иногда и становится объектом двояких чувств. Действительно, представитель чужой культуры может пленить своей красотой, инаковостью, но проникновение в его лингвокультурное пространство может восприниматься и как источник угрозы для собственной национальной идентичности.

Мы предлагаем остановиться подробнее на таких антагонистических представлениях чужой культуры, которые реализуются в двух основных нарративных схемах.

Первая нарративная схема может быть представлена как «странный иностранный язык» [Gauthier 2015 : 345]. Иностранный язык, как и его носитель, связан с физическим обликом персонажа, который всегда остается недопонятым ввиду его чужеродности, запретности, становясь объектом страстного вожделения. Например, в романе Томаса Манна *Смерть в Венеции* и тело прекрасного юноши Тадеуша, и язык, на котором он изъясняется, эротизируются. При этом реплики на иностранном (польском) языке не переводятся, становясь материей для создания образа чужого в тексте; в неразгаданности чужого языка и состоит главная причина его привлекательности.

Во французском корпусе образ славянина и славянки почти всегда привлекателен и зачастую отвечает целому ряду стереотипов с непременным клише загадочной «славянской души» и не менее мистического «славянского шарма» роковой женщины, «*femme fatale*». Чужой язык (русский, польский) зачастую представлен как чарующая и роковая песнь сирены.

Литературное клише мелодичного и певучего языка используется и в русской литературе. Так, у Чехова образ украинки всегда соблазнителен, а язык ее мелодичен:

1. [...] одним словом, не девица, а мармелад, и такая разбитная, шумная, всё поет малороссийские романсы и хохочет. Чуть что, так и зальется голосистым смехом: ха-ха-ха! [...] видим, новая Афродита возродилась из пены: ходит подбоченясь, хохочет, поет, пляшет... Она спела с чувством «Виют витры», потом еще романс, и еще, и всех нас очаровала, всех, – даже Беликова. (А. Чехов, *Человек в футляре*)

Неслучайно тут чеховское сравнение украинки Вареньки с Афродитой, богиней красоты, рождающейся из морской пены. У Булгакова мы находим образ украинской крестьянки, которая именуется именно сиреной:

2. – Пятьдесят сегодня, – сказало знамение голосом сирены, указывая на бидон с молоком.

– Что ты, Явдоха? – воскликнул жалобно Василиса, – побойся бога. Позавчера сорок, вчера сорок пять, сегодня пятьдесят. Ведь этак невозможно.

– Що ж я зроблю? Усе дорого, – ответила сирена, – кажут на базаре, будэ и сто. (М. Булгаков, Белая гвардия)

Отметим, что тут украинский язык подается в фонетической транскрипции и представлен как мелодичный, певучий, слитый воедино с прекрасным телом Явдохи.

Вторая нарративная схема может быть названа «язык как политическое оружие»: угнетенная культура эмансипируется и заявляет о своем праве на существование. В литературе такая схема реализуется в образе взбунтовавшегося раба, который хочет сам поработить своего мучителя, а язык его звучит как боевой призыв.

В немецком корпусе конца XIX-го – начала XX-го века представители славянского мира (чехи, словаки, поляки) связаны с образом бунтаря, что отождествляет исторический контекст; при этом из певучего славянский язык превращается в угрожающий, смертоносный клич:

3. Slawa ! Tod und Hölle allen Feinden ! (Fritz Mauthner, Der letzte Deutscher von Blatna. Erzählung aus Böhmen, 1887)

Слава! Смерть и проклятие всем врагам! (Фриц Маутнер, Последний немец из Блатны)

Можно привести и другие многочисленные примеры из немецкоязычной литературы, где славянские языки (польский, чешский) олицетворяют реальную политическую опасность для германского империализма.

Особенности репрезентации языка являются отражением контакта с чужой культурой, которая может вызывать прямо противоположные друг другу реакции в зависимости от социо-исторического контекста, поскольку одни и те же явления могут расцениваться по-разному в зависимости от когнитивной рамки [Попович 2010: 4].

Иногда чужая культура может быть представлена двояко в рамках одного и того же контекста, как в Белой гвардии Михаила Булгакова, где у украинцев два образа: эротизированный образ Явдохи, говорящей на «певучем малороссийском наречии», и политический враг «Петтура», то есть Симон Петлюра, чей грозный образ проходит красной линией через весь роман, а искажение его имени является знаком отторжения, нежелания пустить в свой мир.

Хотя речь самого политического лидера (как, впрочем, и он сам) не представлена, мы знаем, что говорит он на украинском, т.е. чужом для главных персонажей романа и опасном языке; напомним, что речь идет о событиях в «великом и страшном семнадцатом году», когда эмансипация народа переросла в политическую угрозу.

Что касается репрезентации русского языка в украинской литературе, то он обычно находит отображение во второй схеме: русский язык как раз не связывают с мелодичностью. Например, у Котляревского в «Солдате-чародее» украинский крестьянин с издевкой и раздражением говорит солдату-москалю, что язык у него деревянный, не способный адаптироваться к другой культуре:

4. Солдат. Ех, кабы теперь подала хозяйка лавреничков, этих, знаешь, треугольничков...

Михайло (сміється). Лавреничків! Який то у вас, москалів, язык лубяний! Скільки між нами вештаєтесь, а й досі не вимовиш: ва-ре-ни-ків. (И. Котляревский, Солдат-чародей)

Такой конфликт культур находит отражение в классическом сюжете неудачного сватовства русского или обрусевшего украинца к украинской девушке, как в «Наталке-Полтавке» Ивана Котляревского.

В современной украинской литературе, например, у Юрия Андруховича, Оксаны Забужко русский язык связан с образом советского прошлого, политического и лингвокультурного агрессора; при этом русские слова или реплики представлены в фонетической транскрипции на украинском:

5. [...] і мусиш – або повсякчас провадити в умі розчисний синхронний переклад, що звучить вимучено й ненатурально, - або ж приноворитися, як усі ми, самим голосом брати чужомовні слова в лапки, класти на них такий собі блазнювато-іронічний притиск як на забуцім-цитати (наприклад - гарний приклад для студентів, можна навести завтра на лекції: "Ти себе що - "победительницей

"почуваш?"»). (Оксана Забужко, Польові дослідження з українського сексу)

Интересно отметить, что различные способы представления чужого языка – транскрипция или точное воспроизведение – соответствуют разному восприятию как чужой культуры, так и собственной национальной идентичности; так, фонетическая запись русских реплик в украинском тексте указывает на желание подчеркнуть его чужеродность, тогда как их воспроизведение в оригинале позволяет выстроить положительный стереотип русского в литературе советского периода.

Языковая полифония, которая встречается, например, в украинской литературе, создает трудности при переводе, поскольку зачастую оказывается труднопереводимой или, по крайней мере, невозпроизводимой в ее оригинальной форме на иностранном языке.

Литература

1. Gauthier C., 2010, «Altérité slave et imaginaire de la langue. Quelques cas de figures. », *Slavica bruxellensia*, 6/2010. –, 2015, *L’imaginaire du mot "slave" dans les langues française et allemande, entre dictionnaires et romans*, PETRA Editions.
2. Йокояма О., 2003, « Свои и чужие : межкультурная коммуникация и этнические стереотипы в чеховской России» // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*, Москва, Олма-Пресс, с. 463-474.
3. Крысин Л., 2003, « Этностереотипы в современном языковом сознании : к постановке проблемы» // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*, Москва, Олма-Пресс.